

ОТЗЫВ

официального оппонента о диссертации

Поповой Ольги Владимировны «Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы»,
представленной на соискание ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.08- философия науки и техники

Диссертационная работа О.В. Поповой представляет собой актуальное, как в теоретическом, так и в практическом отношении исследование, посвященное осмыслению философских проблем биотехнологического конструирования человека.

Тема исследования обретает особую остроту на фоне развития тенденций технологического вмешательства в человеческую природу, развития новых биотехнологических методов модификации человека. Цели, задачи, объект и предмет диссертационного исследования сформулированы корректно, в соответствии с заявленной темой исследования.

Несомненным достоинством работы является то, что О.В. Попова опиралась на широкую базу источников, используя как русскоязычную, так и иностранную философскую литературу (на английском и немецком языках).

Диссертационная работа логично выстроена, имеет четкую структуру, состоит из 5 глав и значительного количества параграфов. Основательные выводы после каждой главы диссертации придают целостность и завершенность каждой смысловой части работы. Автор опирается на серьезную теоретико-методологическую базу, применяя сформированный концептуальный аппарат современной биоэтики, методологию гуманитарной экспертизы, компаративный анализ, использует эвристические возможности дискурс-анализа и кейс-стади для решения отдельных задач исследования, что, несомненно, можно отнести к достоинствам работы. Совмещая различные теоретические подходы к исследованию, О.В. Попова

демонстрирует комплексный подход, учитывающий многоаспектный характер практик биотехнологического конструирования человека.

Научная новизна диссертационного исследования заключена в том, что впервые проведен комплексный историко-философский анализ понятия биотехнологического конструирования, такое конструирование человека исследовано как сложный феномен, выявлены этико-философские, биоэтические импликации этой проблемы.

Особую значимость, на наш взгляд, приобретает методология и практика гуманитарной экспертизы, описанная и продемонстрированная в работе (в развитие идей Б.Г. Юдина). К большому нашему сожалению, в России пока отсутствует система подготовки специалистов в этой, столь остро необходимой сегодня сфере: методы калькуляции многочисленных, угрожающих будущему нации рисков должны быть на вооружении как отдельных специалистов, так и независимых структур.

Впечатляет использование художественной литературы (в жанре научной фантастики). Использование фантастических сюжетов в философии и биоэтике позволяет осуществлять имитационное моделирование, раскрывающее трансформативный потенциал инновационных технологий, затрагивающий основополагающие константы бытия человека и способно обозначить появление новых проблем, касающихся защиты прав и свобод человека. Данный вид анализа направлен на исследование проекций вероятных последствий будущего.

И, наконец, производит впечатление библиографический список использованной литературы на трех языках – по сути, это – путеводитель по исследовательскому полю современной науки, составленный О.В. Поповой.

В первой главе «Философско-методологические подходы к исследованию проблемы конструирования человека» проведен анализ отечественных и зарубежных методологических подходов к философскому исследованию феномена биотехнологического конструирования человека.

Во второй главе «Проект человека в свете биополитических программ: феномен «голой» жизни и конструирование нового смысла смерти» рассмотрен процесс конструирования новых пограничных форм человеческого существования между жизнью и смертью, порожденных развитием технологий.

В третьей главе «Эстетическое конструирование телесности» рассмотрен эстетический контекст развития тенденций биотехнологического конструирования телесности человека. Сделан вывод о конвергентном антропологическом эффекте биотехнологического конструирования человека как противоречивого процесса, связанного с расширением формата морфологической свободы и неизбежно приводящего к преодолению человека как такового.

В четвертой главе «Биотехнологический перфекционизм» демонстрируется, что современные практики биотехнологического конструирования неотъемлемо связаны с появлением такого феномена, как технологический перфекционизм.

В пятой главе «Онтологические и моральные дилеммы биотехнологического конструирования человека» рассмотрен ряд онтологических и этических дилемм, связанных с развитием тенденций биотехнологического конструирования. Был сделан вывод о том, «что в процессе технологического развития обозначился континуум преемственности социокультурных и биотехнологических практик, происходит вытеснение более действенными и эффективными практиками (техниками, технологиями) менее эффективных и сложных в своей реализации, требующих приложения значительных усилий и огромных затрат времени. И социокультурные технологии, и современные биотехнологии все в большей степени в процессе своего развития направлены на идеал усиления, усовершенствования человека с одновременной ориентацией на упрощение методов достижения этой цели и придания им эгалитарных черт».

Автором делаются смелые выводы, проводятся нестандартные аналогии. В частности, «реанимационное пространство современной больницы является революционным не только в отношении возможностей, заложенных в нем для спасения человеческих жизней, оно является таковым еще и по той причине, что в нем реализуется новая аксиологическая (и биополитическая) программа современности, в основе которой порождение новых форм жизни, жизни на грани со смертью, жизни, которую легко спутать со смертью. И именно в этом отношении пространство больниц оказывается аналогичным пространству концентрационного лагеря».

О.В. Попова вводит материал, который осмысливается как бы на грани человеческого и философского переживания – о лагере, о сожженных и искалеченных телах Освенцима и т.п. Но работает с ним крайне деликатно, являя собой образец этичности.

В целом: диссертационное исследование аккумулировало, пожалуй, наиболее передовые достижения и подходы современной философской мысли. В работе есть все, что необходимо для ее высокой оценки: масштабность охвата поставленных задач, глубокая аналитика, оригинальный ход мысли, достоверность данных, тщательность применения понятий и категорий, этическая корректность в работе с источниками и литературой. И, наконец, ясный, прозрачный литературный стиль, без потери глубины и научной логики.

Полагаю, что такое исследование должно стать достоянием всех, кто причастен к разработке, созданию и эксплуатации продуктов современной био-техносферы. А для специалистов, занимающихся аналогичными вопросами, диссертационная работа может стать методологическим каркасом, т.к. содержит, по сути, целую программу, целый ряд векторов, по которым может быть направлена философская мысль.

В работе значительное место занимают биомедицинские сюжеты, оппонирование по ним осуществляют, вероятно, другие оппоненты. Я же

остановлюсь на вопросах собственно философии науки и некоторых институциональных аспектах.

Отмечу ряд дискуссионных моментов.

1. О.В. Попова, апеллируя к работам И.Т. Фролова, подчеркивает, что наука не может быть этически нейтральной, то есть ученый, объективируя человека в процессе своих исследований, все время должен иметь в виду его субъектность, его сложность, его ценности (с. 44-46). Так же и современные биотехнологии, которые могут рассматриваться как социальные конструкции, не являются ценностно нейтральными, утверждает автор, «в них заложены определенные «человекообразные» цели разработчиков».

По сути, этим и ограничивается в работе дискурс об идее ценностной нейтральности науки. Могу предположить, что сама эта постановка проблемы для членов профессионального социально-научного сообщества ясна и не дискуссионна. Однако в естественнонаучной и инженерно-технической среде идея автономии науки, представления о «чистой» науке, о том, что для науки нет запретных тем и т.п. – по-прежнему актуальны. А главное, полагают они, – ничто не должно препятствовать свободе творчества ученого и инженера. Если оглянуться на историю науки, то мы можем однозначно говорить об одном ограничении, которое конвенционально принималось научной средой – это эксперименты на живых людях. Но сегодня возникла новая ситуация, появились возможности биотехнологического конструирования человека. Где теперь проходит демаркация допустимого и недопустимого? По каким критериям? То есть, как в этой новой ситуации звучит вопрос о ценностной нейтральности?

2. Второй аспект этой же проблемы связан с состоянием общества. О.В. Попова приводит слова И.Т.Фролова о том, что состояние науки отражает устройство общества, где она развивается и соответственно «общество, где господствует частный интерес, по своей природе не способно к гуманистическому и гуманному контролю, в частности, в области генно-инженерных экспериментов» (с. 44). Вряд ли кто-то станет возражать, что

наше общество именно таково, и что в нем господствует частный интерес. Тогда как обстоит дело с «гуманистическим контролем» в России? Или: насколько возможен положительный эффект гуманитарной экспертизы?

На с. 46. О.В. Попова приводит мысль Фролова о понятии «высокого соприкосновения» человека с технологиями, то есть такого, где целью прогресса будет прежде всего человек и его ценности: «Соприкосновение» человека с высокими технологиями ставит перед ним дилемму: или он вступает в мир, где осуществляются идеалы гуманизма, где человек - цель, где его свобода, творчество, развитие, самоутверждение и т.п. - нормы жизни, или ничего хорошего ему от этого прогресса ждать не следует». Иван Тимофеевич писал это, когда в состав высоких технологий еще не входил весь цикл НБИК в его нынешнем виде. С тех пор прошло много лет – как обстоит дело сегодня? То есть, несмотря на то, что в тексте диссертации применен такой прием работы с источниками, как авторский комментарий, в ряде случаев комментариев явно не хватает.

3. О.В. Попова справедливо подчеркивает, что коммерциализация биомедицинских технологий выступает глобальным трендом, размещающим в одной этической плоскости и оппонентов, и пропонентов различных социальных процессов и технологий. Она обращает внимание на обратную сторону коммерциализации науки, придающую решению в деле Мура (речь шла об использовании ткани пациентов в научных исследованиях) оттенок преступления перед обществом, лишаящего его членов права на защиту их естественно данной собственности, с одной стороны, и тормозящего развитие науки, с другой. Казус Дж. Мура был порожден мировоззренческим противоречием между представлением о теле как личной *ценности* и телом как товаром, объектом конструирования, имеющем рыночную *цену*. В связи с нашумевшим делом Мура в США в 1995 г. был созван Национальный консультативный Совет по биоэтике, с целью дать рекомендации по регулированию в данной сфере (с. 174). Этот весьма интересный кейс - пример из зарубежной жизни. А как обстоит дело в России? Как происходит

отечественная коммерциализация подобных технологий? Каким образом она регулируется? Есть ли законодательные попытки?

4. В диссертационной работе рассматриваются два нашумевших проекта: «Детство-2030» и антропотехнический проект «Россия-2045». В обоих случаях обращение к ним - это, по сути, образцы гуманитарной экспертизы.

Автор пишет, что Проект «Детство-2030» страдает односторонним восхищением инновацией в различных сферах жизни. Можно только согласиться с авторской оценкой: «Отбрасывание в сторону доктрины «оградительного детства» выглядит по меньшей мере нелогичным и странным, поскольку данная концепция в российском социально-экономическом пространстве в связи с отсутствием механизмов реализации всегда носила лишь «виртуальный» характер». В отношении России скорее следует вести речь о доктрине «заброшенного детства», являющейся прямым следствием отсутствия целенаправленной государственной политики в области прав ребенка и слабой выраженности государственных «оградительных» механизмов, обеспечивающих полноценное развитие ребенка. В Проекте, таким образом, манифестируется прежде всего ценность рыночной экономики, но не ребенка. Ребенок становится значим лишь как «конкурентоспособный человеческий капитал» (с. 275-277). В Проекте неявно закладывается сокрытая и неизбежная в свете основных его задач поступательная технологическая евгеническая политика в форме технологического планирования семьи.

Отмечая, что после резкой критики общественности Проект был скорректирован, базовая интенция Проекта осталась прежней: статус ребенка как человеческого капитала не был наделен характеристиками личности. Этой фразой автор завершает раздел о Форсайт-проекте «Детство-2030». Между тем, поскольку речь идет о документах государственного уровня и значения, следование которым обростае соответствующими «законными» и подзаконными требованиями и нормативами, было бы правильно, на наш

взгляд, не ограничиваясь критикой, представить альтернативные послы к проектированию государственного подхода к феномену детства и статусу ребенка.

То же касается и антропотехнического проекта «Россия-2045». Авторы Проекта и общественного движения настаивают на смене сценариев современного общественного развития. Так, транснациональный постиндустриальный капитализм и связанная с ним ценностная парадигма общества потребления должны смениться новой общественной формацией, с условным названием «неочеловечество» – переход к космической сверхцивилизации неолюдей на базе интенсивного развития NBIC (нано-био-инфо-когно) и GNR (генетик-нано-роботикс) технологий. «Неочеловек» будет представлять собой существо, обладающее искусственным телом (или несколькими телами) и сознанием, которое имело опыт проживания в биологическом теле, исчерпавшим все ресурсы.

Все это было бы смешно, если б не было так грустно.

Однако наряду с общественными проектами разрабатываются и проекты федерального уровня. Например, Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года «Инновационная Россия – 2020», разработанная в 2010 году Минэкономразвития России на основе положений Концепции долгосрочного развития Российской Федерации на период до 2020 года. В нем также немало нелепостей, нуждающихся в социогуманитарной оценке (в т.ч., этической). Неосуществившийся проект – не единственный «стратегический» документ, страдающий вопиющим технократизмом. Поэтому были бы так важны и необходимы научно обоснованные прогнозные векторы социального развития, основанные на методологии социально-гуманитарной экспертизы.

5. Автор во введении оговаривает, что в диссертации в равной степени используются и реально случившиеся казусы, и казусы, являющиеся художественным вымыслом. И те, и другие повествовательные артефакты (казусы) для философской рефлексии в работе являются важнейшей

«лабораторией» мысленного экспериментирования (с. 23). Такой подход, включающий интегративную культурологическую методологию, можно только приветствовать. И действительно, в работе идет апелляция к ряду художественных произведений. Так, на с. 352-354 содержится вынужденный пересказ романа британского писателя, лауреата Нобелевской премии 2017 г. Кадзуо Исигуро «Не отпускай меня». И, хотя далее автор пишет о реакции читательской аудитории на это произведение со ссылкой на контент-анализ, самого этого анализа в тексте нет. Столь же избыточным представляются пересказы романа Кука «Кома» (с. 354, 357, 359-361) и научно-фантастического произведения А. Азимова «Двухсотлетний человек» (с. 363 – 367). И, хотя диссертация содержит комментарии к этим произведениям, «работающие» на раскрытие и обоснование общей темы работы, полагаю, что эти тексты увеличивают объем, но ничего не добавляет к раскрытию сути проблемы.

6. Наряду с весьма тщательно выверенным текстом, встречаются небрежности и текстуальные рассогласования. Вот некоторые из них: «Артефактами являются объекты, являющиеся результатом преобразования со стороны субъекта (с. 65). «Концепт «киборг» свидетельствует от пробелов в структуре, но он нем и пуст вне структуры, где лишь и способны обозначаться пробелы» (с. 82), «в своем наиболее вопиющей форме телом, из которого извлекается прибыль» (с. 98) и т.п.

Все вышеперечисленные замечания не снижают высокой оценки исследования. Работа представляет значительный научно-теоретический интерес и в то же время имеет прикладной характер и может быть использована при составлении рекомендаций для нормативного регулирования активно развивающихся в последние годы практик биотехнологического конструирования человека.

Диссертация Поповой Ольга Владимировны является оригинальным и законченным научным исследованием и соответствует пп. 9-14 Положения о присуждения научных степеней. Автореферат отражает содержание

диссертации. Автор диссертации «Биотехнологическое конструирование человека: этико-философские проблемы» Попова Ольга Владимировна заслуживает присуждения искомой степени доктора философских наук по специальности 09.00.08 - Философия науки и техники.

Официальный оппонент:

доктор философских наук,

профессор кафедры социологии

и культурологии МГТУ им. Н.Э. Баумана

Н.Г. Багдасарьян

ПОДПИСЬ ЗАВЕРЯЮ

начальника управления кадров
КАЗАНОВА О.В.

Тел. 499-263-80-48